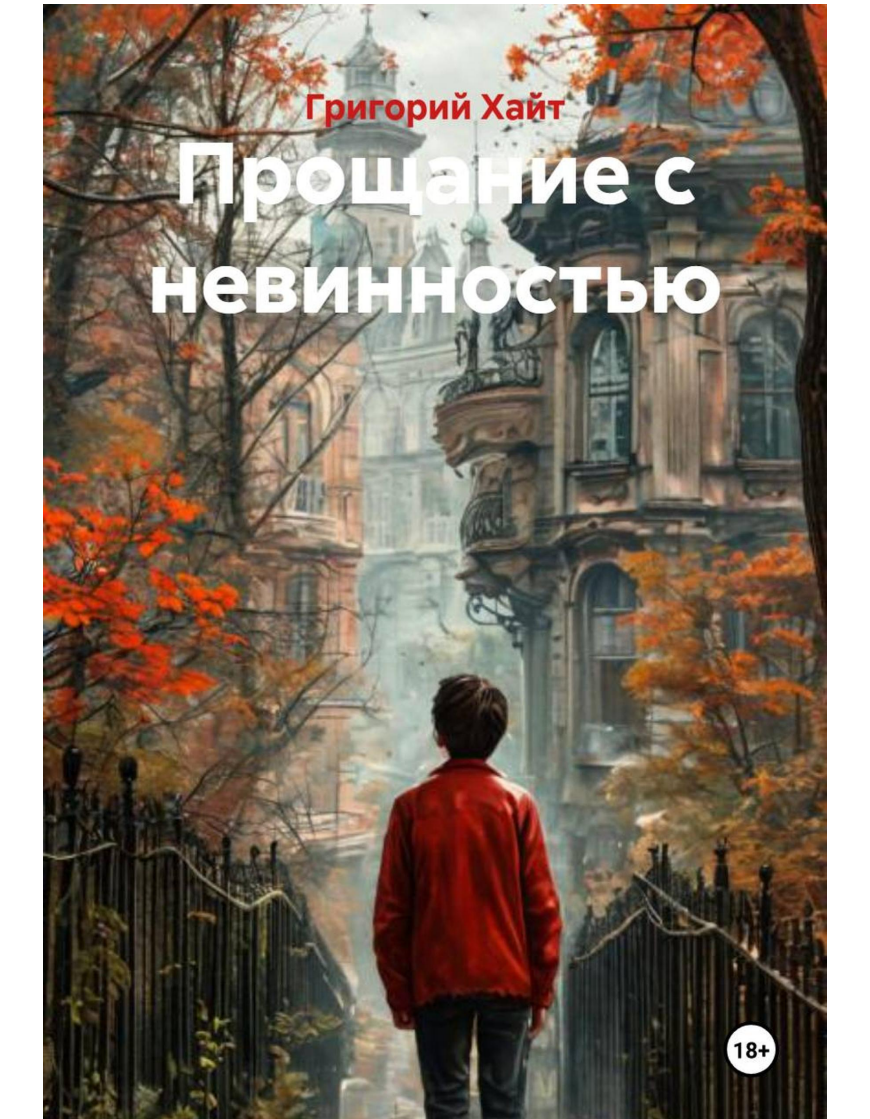

Григорий Хайт

Прощание с невинностью

18+

Григорий Хайт

Прощание с невинностью

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73103188

SelfPub; 2026

Аннотация

Повести и рассказы. Иронические, грустные, юмористические. Правдивые и не очень, мемуарные или по слухам. Детство, отрочество, юность, первая любовь, первый поцелуй, первый опыт. Радость и разочарование. И еще о человеке, который не такой как другие. Его невероятная история о том, как он хотел, но не сумел ужиться в этом безумном мире. В рассказах и повестях присутствуют откровенные сцены, потому эта книга рекомендована для аудитории 18+

Содержание

Извращенец	6
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Григорий Хайт

Прощание с невинностью

Библиотека классической и современной прозы

Григорий Хайт

Извращенец

В детстве я очень любил читать. Собственно, иных культурных способов проведения досуга и не было. В ту пору никто особенно не рассуждал, как отвлечь внимание ребёнка от телевизора. На телевидении было всего две программы. Причём трансляция утренних программ заканчивалась в 12. Затем следовал перерыв часиков до пяти. Затем трансляция

возобновлялась по обыкновению новостями о достижениях животноводов. Изредка мультфильмы минут на десять. Ну, а потом с новой силой политические новости, плавка стали, удои молока, свинарники и коровники, птицефермы и свинофермы. Так что, хочешь не хочешь, а ищи, что хочешь, дабы занять свой досуг. Чтение книг, например. Ну, а книги у нас дома были. Полный шкаф. Даром, что я вырос в семье медицинских работников, где вопрос с алкоголизмом и прочим, ему сопутствующим, не стоял.

Книг в шкафу было много. И детских, и юношеских, и взрослых, и сугубо профессиональных. К сожалению, книг с картинками было мало. Детские, само собой, которые вскоре надоели. Была превосходная книга о вкусной и здоровой пище. Та самая, ещё сталинского издания. Выпущенная, даже не знаю, с какой целью, потому что рецепты там содержались совершенно удивительные. Например, рагу из рябчиков. Книга тоже в конце концов надоела. Я перебирал, искал и неожиданно совершил открытие в виде Большой Медицинской Энциклопедии, пылящейся на верхней полке книжного шкафа. Там я обнаружил огромное число разнообразных цветных и чёрно-белых картинок, выполненных на великолепной глянцевой бумаге. Потом я стал потихоньку почитывать подписи под картинками, а потом и целиком статьи, посвящённые этим картинкам.

Содержание этих статей откладывалось в голове, и потому к двенадцати годам я стал большим специалистом, нако-

пив огромные знания по медицине. Я знал о существовании массы инфекционных болезней, лихорадок и симптомы, их сопровождающие. Оспа, чума, малярия особенно нравились и привлекали своей таинственностью. Да и во всех прочих болезнях я был, безусловно, силён. Приведи ко мне любого пациента, и я, пожалуй, просто глядя на него, мог бы со 100 % вероятностью поставить правильный диагноз.

Родители к моему странному пристрастию относились с удивлением, но в общем-то не препятствовали, вероятно, полагая, что я в конце концов стану светилом советской медицины. Ну, а светиле, видимо, лучше всего начинать в детском возрасте со штудирования Большой Медицинской Энциклопедии (БМЭ).

Впрочем, искал я в энциклопедии не только болезни. Как известно, в возрасте 12-13 лет у мальчиков начинает проявляться интерес к противоположному полу. А также ко всему прочему, с этим связанному. Никакой информации в этой области, естественно, не существовало. Процесс появления детей на свет в литературе был описан весьма схематично. Причём главным действующим лицом в этом процессе был аист.

Половое воспитание школьников заканчивалось в 6-ом классе на уроках ботаники, на примере цветочков, пестиков, тычинок и пчёл. В 7-ом классе к процессу размножения кратко возвращались, используя в качестве примера гидр, размножающихся почкованием, а также птичек, высиживаю-

щих неизвестно откуда взявшиеся яйца. Далее следовал провал в образовании. А точнее, большая чёрная дыра, заполнить которую было абсолютно нечем.

А мальчики тем временем влюблялись в девочек. Однако, не зная, каким же образом привлечь внимание предмета своего обожания, действовали абсолютно варварскими методами. Безднадёжно влюблённый мальчик имел привычку дёргать девочку за косички или, того хуже, подкладывалдохлую крысу девочке в портфель. За что и получал этим самым портфелем по голове, испытывая при этом своё самое первое удовлетворение.

И ещё время от времени мальчики делились своими познаниями, полученными во дворе или через занавеску в родительскую спальню. Знаний было здесь тоже немного. Потом в наш класс из детской колонии вернулся наш главный школьный хулиган, обладающий значительно более развёрнутыми знаниями, чем шпионы через занавеску. На переменках или после уроков он просвещал всех любопытных, попутно награждая тумачами всех тех, кто сомневался или переспрашивал. К сожалению, эти внеклассные занятия проводились на не совсем понятном языке – "фене" – и многочисленный сленг затруднял понимание. На всякий случай, я попытался найти эти слова в Большой Медицинской Энциклопедии. Безрезультатно, что в общем-то и не удивило. Потом нашего главного хулигана в очередной раз посадили. На этот раз за групповое изнасилование, и тонкий источник

наших знаний иссяк окончательно.

Правда, через некоторое время кто-то из наших мальчиков узнал, что то самое, о котором много раз говорил наш главный хулиган, на самом деле называется секс, или половой акт. В тот же вечер я пошёл искать эти два слова в энциклопедии. К сожалению, и здесь меня ждала неудача. Ни секса, ни полового акта в энциклопедии и, следовательно, в Советском Союзе не существовало. А что же было? Были многочисленные открытки в киосках с аистами, распластавшими крылья, или просто на ногах, держащими в клюве колыбель с младенцем.

От всех этих неудач я даже начал сомневаться в прежних убеждениях и стал подумывать, что советские учёные изобрели какой-то новый способ наращивания народонаселения с помощью аистов.

А потом всё как-то разрешилось само собой. В тот вечер я, по своему обыкновению, листал Большую Медицинскую Энциклопедию. И вдруг между статьями о волосатом языке и жёлтой лихорадке я обнаружил статью, отмеченную жирным словом Coitus. Я прочёл несколько первых строк и тут же сообразил, что это оно и есть. Тот самый секс, или половой акт, скрытый от простого народа латинским написанием. Оглядевшись по сторонам, я тут же начал поглощать эту статью.

Начало статьи, очевидно, писали специалисты-медики, и потому само начало было абсолютно медицинским. Там со-

общалось, что так называемый "коитус" начинается с того, что кровь заполняет некие пещеристые тела, какие-то мышцы, названные по латыни, сжимаются, затрудняя отток крови, в результате чего этот самый пенис приобретает затвердевшее состояние. Факт затвердевания пениса мне был уже знаком, но я порадовался новым знаниям.

Кроме того, медики пояснили, что в это же время какие-то две железы выделяют некую вязкую жидкость – секрецию, что смазывает затвердевший пенис, таким способом облегчая введение его в какое-то латинское слово. Ритмичные движения пениса заканчиваются выбросом семенной жидкости, которая определёнными путями попадает в определённое место, где уже и происходит процесс оплодотворения. Далее следовала ссылка на то, куда смотреть, если кого-нибудь заинтересует, что случится потом.

На этом месте медики закончили, и слово взяли другие учёные. Прежде всего, нам сообщили, что в соответствии с моральным кодексом строителя коммунизма тот самый коитус осуществляется между супругами, состоящими в законном браке, хотя и бывают досадные исключения. Вкратце поговорив об исключениях, учёные остановились на длительности полового акта, установив для него норматив в 2-3 минуты. Продолжительность коитуса от одной до пяти минут считалась неким отклонением, но, тем не менее, где-то в норме. Раннее семяизвержение, а также невозможность закончить половой акт в течение 5 минут считались болезнен-

ным отклонением с рекомендацией обращаться к врачу. При этом особо подчёркивалось, что так называемый "продолговатый коитус", при котором продолжительность полового акта сознательно продлевается партнерами, относится к категории сексуальных извращений, о которых пойдёт речь в конце статьи.

Положение партнёров при проведении коитуса определялось единственно правильным, когда мужчина находится сверху, а женщина снизу. Партнёрам предписывалось занять удобные позиции, которые не препятствовали бы ритмичным движениям, по-медицински – фрикциям. Нерожавшим женщинам предлагалось расставлять ноги как можно шире. Рожавшим же женщинам позволялось держать ноги на ширине плеч.

Дальше шла речь о существовании и иной сексуальной позиции (в простонародье – по-собачьи), которую гуманно было разрешено использовать, однако исключительно по медицинским показаниям. Как-то: в случае, когда партнёры страдают ожирением, в результате чего пенис не может дотянуться до того самого латинского слова. Исключение также могло быть сделано для миниатюрных женщин, когда хрупкое создание, находящееся внизу, могло быть раздавлено слишком тяжёлым партнером. Этот момент именовался в БМЭ превентивным коитусом. Там же статья предупреждала, что эта сугубо медицинская позиция несёт в себе определённые опасности, часть из которых даже покрывается Уголовным

Кодексом СССР, и было, в частности, предложено решать этот вопрос обучением и медицинскими консультациями.

Далее по поводу позиций были упомянуты различные развивающиеся страны. Прежде всего, Индия, в которой по сей день практикуют половые отношения в многочисленных непонятных позах. Здесь авторы статьи позволили себе даже недолгую полемику с невидимым индийским противником, наголову разбив его и пояснив, что неудобные позиции увеличивают длительность полового акта и, кроме того, часто приводят к серьёзным травмам, разрывам и растяжениям мышц, вывихам конечностей и прочим неприятным последствиям.

По поводу ласк перед сексом авторы статьи опять же имели своё авторитетное мнение. Естественно, поцелуй до и поцелуй после полового акта поощрялся и невидимо значился в моральном кодексе строителя коммунизма. Тем не менее, здесь опять были упомянуты некие европейские страны – Франция и Италия, в которых до сих пор практикуются длительные сексуальные игры. После недолгой и незлой полемики с незримым итальянским противником, все итальянские доводы были разбиты, и выводы советских учёных были абсолютно однозначны. Длительные предсексуальные игры могут привести к ослаблению определённых групп мышц, отливу крови из пещеристых тел, делая тем самым половой акт невозможным. Тем не менее, французов с итальянцами ругали не очень сильно, отнеся их сексуальные игрушки к

чуждачествам и предрассудкам.

Насчёт частоты проведения полового акта, советские учёные и здесь имели своё прогрессивное мнение. Нормой считался один половой акт в 3-5 дней. Иное расписание было отнесено к болезненным расстройствам. Ну а коитус, проведённый несколько раз за ночь, покоился в категории сексуальных извращений.

На этом описание обычного коитуса закончилось, и пальму первенства окончательно перехватили учёные-общественники. Речь шла о сексуальных извращениях, и наши учёные абсолютно справедливо отметили, что вся эта гадость абсолютно не свойственна советскому человеку и процветает на западе. Прежде всего, в США. Далее кратко перечислялись эти извращения.

Прежде всего – это педофилия, при которой половой акт осуществляется с партнёрами младшего возраста. Затем шла геронтофилия, при которой предпочтение отдавалось людям старшего возраста. Затем шла отвратительная некрофилия, в которой суррогат полового акта осуществлялся с трупом. Завершал весь этот кошмар садомазохизм, заключающийся в причинении страданий и боли себе или партнёру. Об иных сексуальных извращениях было сказано то, что существует их множество, но ознакомиться с ними могут лишь узкие специалисты в этой области.

Итак, всё стало на свои места. Никаких журавлей и аистов. Никаких тычинок и пестиков. Никаких басен и побасёнок.

Всё ясно как божий день.

Статью эту из БМЭ я проштудировал от корки до корки. В дальнейшем время от времени я возвращался к этой статье, с целью освежить знания, но для себя решил, что коитус – это дело нелегкое и, судя по тяжёлой судьбе нашего главного школьного хулигана, даже весьма опасное.

Потом время прошло. Я закончил школу. В медицинский институт я не пошёл. Уехал из нашего маленького украинского городка в большой русский город. Поступил в университет на физический факультет. Имена великих физиков – Эйнштейн, Ландау, Нильс Бор – привлекали меня больше, чем светила медицинских наук.

Место в студенческом общежитии мне не досталось, поскольку хорошо известный советский дефицит ощущался абсолютно везде. Общежитие давали лишь остро нуждающимся студентам. Я же не очень нуждался в комнате студенческого общежития с четырьмя кроватями. Проживал у своей тёти в гораздо более комфортабельных условиях, хотя и под неусыпным надзором.

Мои сокурсники, обитающие в общежитии, наслаждались жизнью в полной мере. Праздновали и отмечали всё, что только можно было праздновать и отмечать. Знакомились с девушками. Вступали в беспорядочные половые связи, посещали кожно-венерологический диспансер, пропускали занятия, заваливали сессии, вылетали из университета. Восстанавливались и вылетали опять. Мне же приходилось лишь

вовремя сдавать зачёты и учиться на пятёрки.

При таком поведении и хроническом отсутствии на физическом факультете симпатичных лиц слабого пола, мне приходилось лишь кусать губы и завидовать моим продвинутым товарищам из общаги. Впрочем, всё это продолжалось не до бесконечности. Телефон в уютной квартире моей тёти начал изредка позванивать, а тётя, слыша в трубке голоса каких-то девушек, начала потихоньку беспокоиться. Ей очень не хотелось, чтобы меня "окрутила" какая-нибудь шалава. Поэтому время от времени тётя начинала знакомить меня с хорошими девочками из приличных семей. Я не возражал. Ну кому не хотелось бы познакомиться, а там, гляди, и жениться на симпатичной девушке. Тем более, что приличность семьи гарантировалась. К сожалению, как физик-математик, я очень скоро вывел эмпирический закон. Симпатичность девушки всегда была обратно-пропорциональна приличности семьи. Ну, а после знакомства с одной «очень хорошей девушкой из очень приличной семьи», родители которой обещали подарить на свадьбу Волгу, от дальнейших знакомств я начал отказываться.

Так что после всех коллизий со знакомствами я приобрёл небольшой житейский опыт. Как говорят в Америке, да и, впрочем, по всему миру, – «бесплатных завтраков не бывает». Так что, перефразируя эту пословицу на случай коитуса, описанного в БМЭ, следует сказать, что за удовольствие надо либо платить, либо расплачиваться.

Ну вот, собственно, такая вот, не самая ужасная, но ситуация. Так что я потихоньку смирился с мыслью, что никаких связей, никакого коитуса на горизонте не предвидится.

И текло себе время потихоньку дальше и дальше до одного, по жизни незначительного момента, когда у меня заболел зуб. Событие, как вы понимаете, неприятное. Так что пришлось, пропустив утренние занятия, выстаивать очередь в зубной поликлинике за талончиком, глотать анальгин и сразу же после занятий отправляться на процедуру зубного врачевания.

С детства я боялся двух имён. Первое имя – Варвара, перед которым я особенно трепетал. Из детских книг я помнил некую уродливую и страшную Варвару, грозу детей, стоящую с ухватом возле печи. Второе страшное имя было Степан. Несмотря на доброго милиционера дядю Стёпу, помогающего всем и вся, вид высоченного милиционера вызывал у меня почти животный ужас. И так уж получилось, что зубной доктор, к которому я был прикреплён, носил сразу два этих имени. Моим зубным врачом оказалась высокая, мощная, грудастая тётка средних лет с именем-отчеством Варвара Степановна.

Вначале приняла она меня не очень приветливо, грубо приказав сесть и открыть рот. Потом долго охала и негодовала по поводу того, что я не соблюдаю гигиену рта и довёл себя чёрт знает до чего. Мой зуб был приговорён, и единственным способом избавить меня от мучений было удале-

ние. Сначала Варвара Степановна попыталась удалить зуб просто так. Но потом, увидев мои мучения, сжалилась и вколола дефицитный новокаин, заметив при этом, что поступает не по инструкции, а исключительно по доброте сердца. Потом уже, пока я сидел с окровавленными ватками во рту, она выписала талончик на лечение очередного зуба и предупредила, что лечить кариес следует непременно, если я не хочу расстаться с десятком прочих зубов. Ходил я к Варваре Степановне долго, едва ли не целый семестр. Принимала она меня хорошо, точно старого знакомого, что так, собственно, и было. Пыталась лечить меня нежно, без боли, что, впрочем, было практически невозможно. Иногда, заметив, как я трепыхаюсь в кресле и не даю ей аккуратно выпилить бор-машиной очередное отверстие, Варвара Степановна наваливалась на меня своим мощным бюстом, вдавливая в кресло. Чувствуя важность момента, я тихонько затихал, давая Варваре Степановне качественно закончить работу. Потихоньку зубы мои излечивались, обрастая пломбами. Я же таскал Варваре Степановне конфеты, не зная, каким иным способом выразить благодарность.

Наконец, работа была закончена. Точнее, почти закончена. Варвара Степановна объявила мне, что всё практически сделано, но осталась самая малость, которую она доделать не успела. К тому же она уезжает в отпуск, но может всё доделать сегодня же у себя дома. Меня же она грозно предупредила, что закончить надо обязательно, иначе вся работа пой-

дёт насмарку.

Так что тем же вечером я направился по адресу, выданному мне Варварой Степановной. В голове время от времени появлялась мыслишка "а вдруг", сопровождаемая всяческими видениями. Впрочем, эти видения я гнал от себя, логически полагая, что столь доброе и сердечное отношение ко мне, безусловно, связано с коробками конфет, которыми я снабжал свою спасительницу.

Варвара Степановна, открывшая дверь своей однокомнатной квартиры, предстала передо мной в ярком китайском халате с драконами. На кухне, как я заметил, был накрыт стол, стояла бутылка «Столичной». Я подумал, что Варвара Степановна кого-то ждет.

"Скорее всего, это домашнее лечение закончится в течение получаса», – решил я.

Однако Варвара Степановна выдала мне домашние тапочки и предложила пройти на кухню перекусить. В этот момент видение вернулось. В том, что произойдёт дальше, я больше не сомневался.

Пока я ещё сидел на краешке стула, стесняясь новой обстановки. Но Варвара Степановна налила по рюмке, сообщив при этом, что водка – это лучший наркоз и лучшее средство, чтобы освоиться в непривычной обстановке.

Здесь, по всем правилам эротического жанра, следует затянуть возбуждающую песнь на тему "Соски её бархатных грудей набухли как почки на деревьях. Он ощутил свою

твердеющую плоть. Они бросились в объятия друг к другу. Их уста слились в бесконечном поцелуе. Подхватив на руки, он понес её ... " Так вот, эту лабуду я писать не намерен.

Во-первых, на Прозе.ру наберётся видимо-невидимо эротических произведений, писанных сексуально озабоченными пенсионерами и юными психопатками, ожидающими прибытия красавца-принца на крыльях любви.

Во-вторых, всё это было уже давно, и, кроме того, детали ужина и прочего стёрлись 40-градусным наркозом.

Ну, а в-третьих, подхватить роскошное стокилограммовое тело Варвары Степановны на руки, учитывая то, что она была на полголовы выше меня, физически не представляло никакой возможности.

Единственное, что я помню, это охватившее меня волнение. За неимением практического опыта я судорожно перелистывал в голове страницы Большой Медицинской Энциклопедии, пытаюсь вспомнить нахождение того самого латинского места, а также пытаюсь вычислить, нужно ли Варваре Степановне максимально расставлять ноги, либо же в соответствии с рекомендациями БМЭ следует держать их на ширине плеч. Впрочем, на моё счастье, все технические детали наших постельных приключений более опытная Варвара Степановна взяла на себя. Я лишь исполнял приказы моего знающего командира.

Через какое-то время, уже за полночь, вновь перелистав в голове статейку из БМЭ, я вдруг с ужасом понял, что мы

нарушили абсолютно все заповеди этой статьи, оказавшись при этом последними извращенцами. Даже если отвлечься от Морального Кодекса Строителя Коммунизма, наши действия обязаны были быть проштампованы клеймом "извращенцы". Тут вам и сознательно продолженный и многократный коитус, и развратные игры в непонятных позициях. Явная педофилия ко мне со стороны Варвары Степановны, и геронтофилия с моей стороны к ней. Не знаю насчёт некрофилии, но, судя по всему, она тоже присутствовала в наших отношениях. Одно то, что Варвара Степановна громко и истошно орала: "Ой, Иосик, помираю ..." – должно было перевесить весы советского правосудия в сторону обвинительного приговора.

На следующий день в шесть тридцать утра Варвара Степановна подняла меня с постели. Наскоро напоив меня на кухне чаем со вчерашними бутербродами, она пояснила, что вообще-то она "не такая ..." и всё, что случилось, следует забыть.

"Нет у нас с тобой будущего, Иосик», – пояснила Варвара Степановна, сказав по секрету, что, наверное, она скоро выйдет замуж, поскольку есть тут один хороший человек с достатком, который уже давно обхаживает её. Ну а то, что было вчера, то это вроде как её последний "девишник". Я кивал, молча соглашаясь с доводами Варвары Степановны. Уже возле входной двери как-то враз растерявшая свою привлекательность Варвара Степановна смахнула наворачнувшуюся

юся слезу и словно выдохнула: "Люблю я тебя, Иосик. С первого дня, что тебя увидала. Будь я помоложе ..." После чего вытолкнула меня за дверь.

Вскоре я сидел в аудитории на очередной лекции по теоретической физике. Сосредоточиться на квантах и уравнении Шредингера я был не в состоянии. В голове прокручивался вчерашний день, точнее, ночь. Профессор стучал по доске мелом, с жаром выписывая какие-то уравнения. Мысли же мои витали где-то в другом месте. И вдруг я испугался. По голове словно грохнула мысль. А вдруг всё это записывалось и прослушивалось! Они же всегда говорят: "У нас везде уши!" А вдруг всё это серьёзно. Зачем-то же указана в Большой Медицинской Энциклопедии эта статья уголовного кодекса. Не зря же здесь сажают – неизвестно кого, неизвестно за что.

Однако испуг через секунду растворился. На смену пришло смешное видение. Я представил себе милицейского следователя. Непременно женщину, габаритами с Варвару Степановну, проводящую со мной в постели следственный эксперимент.

Я не выдержал и рассмеялся вслух. Достаточно громко, чтобы сидящие рядом со мной студенты, оторвавшись от конспектов, с удивлением посмотрели в мою сторону. Я сделал вид, что просто закашлялся. Кашлянул пару раз. Ребята вернулись к своим конспектам. Я ещё раз взглянул на доску. Профессор уже закончил вывод и доказательство уравнения

Шредингера.

"Чепуха это всё, – лишь подумал я, – скучно, неинтересно, бессмысленно, бездоказательно. И вообще, в этой жизни надо что-то менять ..."

По закону жанра, в конце рассказа следует сказать, что все персонажи вымышлены. Так что не подумайте чего... Ну и я тоже скажу. Все персонажи почти что вымышлены, кроме одного и самого главного – Большой Медицинской Энциклопедии.

Прощание с невинностью

Пролог

О сталинских временах мы знаем много. И правду, и ложь, и полуправду, и разные душераздирающие истории. О Великой Отечественной Войне знаем еще больше. Читали, слышали, смотрели. 50-е годы. Смерть Сталина, расстрел Берии, международный фестиваль молодежи и студентов. О кукурузнике Хрущеве наслышаны. А вот 60-е и 70-е годы. Ну что вспоминается? Анекдотичный Брежнев с дефектом речи. Как он не мог выговорить фразу "Социалистические страны". И, пожалуй, всё. Кто-то по незнанию, или по недобросовестности даже окрестил это время, как время застоя.

Застоя?

А то что летали советские космические корабли на Марс и Венеру? А советский Луноход? А космический корабль,

совершивший посадку на Луну и доставивший на Землю образцы лунного грунта? А стыковка в космосе Союз-Аполлон? Мало вам?

Ну и застой, когда все, до последнего винтика было произведено в Советском Союзе!

Даже обидно как-то. Обидно тем, чья молодость пришлась на 60-е и 70-е годы.

А почему же развалился Советский Союз? Говоря библейским языком, потому что "есть время бросать камни и есть время собирать камни."

Детство, отрочество, юность, первая любовь, первый поцелуй, первый опыт с девушками, женщинами. Радость и разочарование. Это так общо во все времена, будь то времена античные, средневековые или наши современные. Сытые или голодные. Приятные мирные или страшные военные. Но юность, первая любовь, первая девушка – это вечно, это навсегда.

Мой рассказ-повесть – это не попытка оправдаться, не попытка прихвастнуть. Это не мемуары. Просто это информация для тех, кто хотел бы заглянуть в те времена, в 60-е и 70-е годы, понять, подумать и запомнить.

Детство

Наверняка, у каждого человека есть какие-то счастливые детские воспоминания. У кого-то одно-два, а мне повезло, у меня их много, эдак четыре или пять. И все удивительно радостные и счастливые. Ну самое первое воспоминание – это когда меня взяли в школу. В ту пору самым главным лозунгом страны были слова – “планы партии – планы народа”. Но в этом году произошел сбой. Планы партии с планами народа не совпали. По планам партии все дети должны были идти в школу первого сентября, достигнув возраста семи лет. А

вот у народа дети продолжали рождаться и в сентябре, и в октябре, и даже в декабре. А куда же их девать? Детский сад закончен, а в школу не берут. Так куда же?

Та же беда пришла и в наш дом. Я был ноябрьским ребенком. Детский сад закончен, а в школу не берут. Каждый день я просил маму – "Мамочка, пожалуйста, скажи им, что Изя очень хочет учиться в школе. "Моя настойчивость, или мамина, в результате возымела действие. В какой-то паршивенькой задрипанной школе открыли сразу два класса, в которых случился жуткий недобор учеников. Так я и оказался в школе, так я и прыгал на радостях, так я и запомнил этот самый первый счастливый день в своей жизни. Правда, первый день в школе был омрачен ужасом и полнейшей неожиданностью того, что я увидел и чего я не ожидал. Мы вошли во двор, по которому на огромной скорости носились великаны, еще бы, пацаны старших классов, буквально сшибающие всех на своем пути. Меня и нас, тех первоклашек, защитила наша первая учительница, собрав всех детей у себя за спиной, отведя всех в тихий спокойный класс 1А.

Второй день счастья, гордости, как хотите, так и называйте, случился. Да, вы можете догадаться. Когда? Двенадцатого апреля. Да-да, того самого 1961 года.

Я, мало чего соображающий, но очень самостоятельный семилетний пацан, шел из школы домой. Иными словами, месил грязь и хлюпал по Хлебной улице. Как самостоятель-

ный бойкий пацан, я уже неоднократно сбегал от бабушки и шел домой сам, добившись таким образом права ходить из школы самостоятельно.

И вдруг я увидел такое... Вдруг из всех дворов стали выбегать люди. В первую секунду можно было испугаться. Что, опять война? Но глянув на радостные и счастливые лица, ты начинал понимать, что случилось нечто невообразимо хорошее, только непонятно что. А я шел, смотрел, как обнимаются люди. Тискали меня и что-то говорили. И имя какое-то висело и повторялось сотни раз. Гагарин, Гагарин. А потом и мне, семилетнему пацану, объяснили, что наши первыми полетели в космос. Я просто шел домой и невообразимое чувство радости и гордости просто разрывало меня.

Мой третий счастливый день. Я окончил первый класс. Наши старые потрепанные учебники сдавались в библиотеку. Взамен их мы получали новенькие, едва отпечатанные, вкусно пахнущие типографской краской учебники за 2-й класс. Мы их складывали в ранцы, портфели и с новой заслуженной наградой расходились по домам. А впереди, впереди. Вы даже не представляете этой радости – были 3 месяца заслуженных каникул. Я медленно, с достоинством, прошел всю свою Хлебную улицу. Нашел свой дом, вошел внутрь. Все было как всегда. Дед мой облачившись в какие-то странные одежды раскачивался из стороны в сторону, читал библиотеку. Прервать его, что-то сказать, поделиться радостью было нельзя. Я же никак не расстроился, ушел в другую ком-

нату рассматривать вновь приобретенное богатство.

Да, мы жили с дедом в разных странах в разные века, хотя и одновременно. Я жил в 20 веке, в радостном, добром, счастливом Советском Союзе. Он же остался в маленькой еврейской слободке в 19 веке в Российской империи.

Четвертый счастливейший день, собственно, из-за которого начался наш рассказ, произошел уже значительно позже – 5 лет спустя. Я уже был тогда солидным, молодым, самостоятельным человеком, пятиклассником. Мы переехали в трехкомнатную благоустроенную квартиру в самом центре города. Может, сейчас это не считается особо важным мероприятием, но тогда...

Итак, кое-что вы уже знаете. Мы жили в двух комнатах, с кухней и умывальником в прихожей, огородиком и сараем на окраине города Житомира. Удобства – даже не во дворе, а описывать не буду. И жила, была бабушка – мама моего отца самостоятельно в одной комнате, так называемой гостинки. Гостинкой подобные дома назывались именно потому, что это, по сути, была гостиница. Длинный коридор и однокомнатные квартирки, включающие ванну и туалет налево направо от коридора.

Извините, что я так подробно это рассказываю, чтобы вы как-то представили себе те, пусть не самые драматичные, но интересные годы. Вот, собственно, и все исходные. Желающих развестись и разъехаться было достаточно. Оставалось лишь ждать и искать. И нашлось. Трехкомнатная в самом

центре, на пятом этаже, против наших не самых привлекательных предложений. Но обмен все же состоялся. Соседям по дому надоели ежедневные драки, вопли, крики с регулярным вызовом милиции. А учитывая то, что за квартирой этой висел коммунальный должок за три года, это давало хорошие шансы нашей стороне. Возражения со стороны молодого поколения в виде меня и старшего поколения в виде деда, не желающего отъезжать далеко от синагоги, никак не принимались. Итак, все совершилось быстро, в один день. Мы переехали. Мужчины перетаскивали тяжести, кровати, шкафы, тумбы. Женщины расталкивали посуду, тарелки, чашки по шкафам. Дед сидел во дворе, читал Тору и замаливал свои грехи в виде отъезда от синагоги. Я гонял через три ступеньки с первого этажа на пятый, перетаскивая легкие и небьющиеся предметы.

На самом деле, счастье приходит не в тот день, когда ты носишься, таскаешь, сломя голову. Счастье приходит на следующий день. Все сделано, новая квартира, новая сфера обитания, со всеми удобствами. Тихо, спокойно. Родители ушли на работу, бросив, естественно, вещи куда попало. Дед ушел в синагогу. Пока он читал Библию во дворе на лавочке, что-то бормоча себя под нос, мерно раскачиваясь, его заприметил такой же, как я считал тогда сумасшедший. И теперь они вместе ушли в синагогу. Мне было разрешено остаться дома, пропустить школу. День начался с осмотра и оценки новых богатств.

Итак – свой личный туалет. Бачок под потолком, цепочка с белой фаянсовой ручкой. Дернул и из бачка под потолком с диким грохотом и воем устремляется вниз поток воды. Рядышком другая дверь. Ванная комната. Огромная белая ванная в которой можно лежать, отдыхать, мечтать и вообще наслаждаться. Рядышком, вплотную белая раковина с двумя кранами для холодной и горячей воды. Серьезное отличие от умывальника нашей старой квартирке, для пользования которым надо было заливать туда постоянно 4-5 ковшей холодной воды. Дальше по стеночке. Вот она дверь на кухню. Квадратные метры считать не будем, этим займутся потом новые нувориши. Но там есть плита, с газом на две конфорки, а рядышком эдакое неизвестное для нас и для вас устройство – Титан. К древней Греции отношения не имеет. Просто некий синий столб, заполненный водой с горелкой внизу. Нужная температура определяется похлопыванием ладонью по верхней части Титана. Ну а холодильник? Да, у нас уже в то время был холодильник. Правда, не блатной, типа ЗИЛ Москва или финский Rosen Lev, а нечто попроще, без проблем, прямо из магазина. Он встал удобно в коридоре между входом в квартиру и дверью.

И еще три комнаты. Центральная, огромная, главная. От нее вправо и влево комнатухи. Влево вроде спальня, комната для занятий, отдыха, уединения и тому подобное. И вправо тоже комната, спальня. Молельная для деда с его десятками святых книг, и одновременно гардеробная, при-

мерочная. Там стал и библиотечный шкаф со стеклянной стенкой, заполненный, слава Богу, не Лениным с Горьким, а книжками, просто которые можно было взять и почитать. Но это потом, когда все расставилось, утряслось. А пока книги просто валялись на полу. А среди них настоящее счастье – библиотека приключений. За несколько дней до нашего переезда брат моей мамы, дядя Петя из уральского города Перми, прислал нам полную или почти полную библиотеку приключений. Тут вам и Робинзон Крузо, и Всадник без головы, и Черная Стрела, и еще много-много чего.

Полистайте интернет, узнаете что. Но вот чувства 12-летнего пацана вы там не найдете, потому что интернет это для головы, а не для сердца. Спасибо моему дяде Пете. Кто другой бы наверняка свалил бы их в шкаф за стеклом, и не открыл бы их следующие годы. А так сестра моя Нина книжки уж перечитала, жена его, простая русская женщина, никогда их не открывала. Мусолить или похвастаться корочками на книжных полках было не в его вкусе, вот и отправились книжки туда, к тому, кому они были очень-очень нужны – ко мне. Я сидел среди горы этих книжек, читал названия, перелистывал страницы, разглядывал картинки с иллюстрациями, просматривал последние страницы с содержанием, решая, с чего бы начать. Какая же книга самая интересная, самая главная. Начну, пожалуй, с Робинзона Круза, решил я после нескольких часов купания в счастье.

Следующий этап осмотра владений – выход во двор моего

нового дома. Всё рассмотреть, ничего не упустить. Сбежал вниз, начал осмотр. Первое, что бросилось в глаза, это здоровый капитальный гараж синего цвета. Прямо с нашей центральной улицы Ленина – въезд в наш двор, оттуда прямо в гараж. Метров 20 прямой одно машинной дорожки. Аккуратно засыпано гравием. Остальное обычно. Поворот у торца дома направо и асфальтированная дорожка вдоль пяти подъездов со вторым выездом или въездом. на улицу Хлебную, тысячи раз исхоженной мной по пути в школу и обратно. Дом был угловой и, соответственно, имел два номера – ленинский и хлебный, что сразу таило некоторое противоречие.

Справа от гаража, вдоль забора шел ряд мерзких, грязных, гадких сарайчиков, сбитых, собранных кое-как из найденных на свалке или украденных досок. Место между сарайчиками и домом представляло собой большую грязную лужу, которой предстояло высохнуть через несколько месяцев и превратиться во вполне приличную площадку, где пацаны моего возраста могли сражаться в футбол. Ну, еще что? Посередине остатки детской песочницы с вывороченными досками и песком, перемешанным с грязью. А вот летом когда-нибудь доски собьют вместе, привезут машину свежего белого песка, насыпят в песочницу и станет... Но именно это называется авось.

Итак, внутренний осмотр закончен. Теперь можно обойти дом снаружи. Улица Хлебная. Ничего интересного. Какие-то

конторки, какие-то двери, какие-то ремонтные мастерские. Вещи нужные, но неинтересные. А потом поворот направо, с Хлебной на улицу Ленина. И вот это да! Огромный длиннющий кооперативный магазин, занимающий первый этаж нашего дома. Кстати, позволю просветить или разочаровать вас. Кооперативные – это вовсе не частные в теперешнем понимании этого слова. Это просто мясо-колбасный государственный магазин, в котором цены в полтора-два раза выше, но есть все и еще чуть-чуть.

Все, внешний, внутренний и прочий осмотр закончен. Теперь я точно ощутил, что я в раю. Потом быстренько домой. Ныряю в свой второй подъезд. Через две-три ступеньки бегу к себе. И вдруг. Стоп. Дорогу на третьем мне перегородила какая-то девчонка. Нет, не то что не уступила. Оббежать ее не представляла бы труда. А именно что перегородила, остановила меня лбом ко лбу. Я остановился и замер, абсолютно пораженный. Такой красивой девчонки я не встречал нигде. Во всей моей школе, даже близко, не было такой красивой. Во все не смазливой, а именно что красивой, без ужимок девчонки.

“Так это вы вчера переезжали?” – начала она.

“Да, на пятый этаж” – подтвердил я.

“Да, да, шумели, гремели, прохода не давали” – пожаловалась она – “Тебя как зовут?”

“Айзек!” – автоматически выпалил я.

“Айзек?” – она наморщила лобик.

Айзек – это имя, которое я сам себе придумал. Мое. Настоящее имя Изя, Изька, которого я дико стеснялся. Имя прямо из анекдотов. Абрам и Сара, Изя и Роза. Знакомиться с пацанами на улице или просто произносить моё имя вслух было настоящим мучением.

Имя как бы мгновенно подчёркивало – я не свой. И дома у меня было не все в порядке. Мои дворовые, точнее, уличные товарищи любили заходить к нам в дом. И квартира как бы просторнее, на два квадратных метра, и почище, и конфетами какими-нибудь барбарисками можно было угоститься. И никто из друзей особенно внимания на остальное не обращал. А у меня в голове сидел какой-то бзик со стеснением и страхом. Мой вечно молящийся дедушка, одетый в странные одежды, раскачивающийся, бормочущий под нос какие-то молитвы. А потом под вечер приходили родители. Дед был глуховат, и поэтому разговор велся громко на непонятном еврейском языке Идиш. Знакомые мои эти разговоры слушали, наверняка с любопытством, но мне казалось, что слушали они с неудовольствием и презрением. А имя Изя? Мне тогда объяснили, что имя это мне дали, потому что так было положено. Кто-то из моих предков, дедов, прадедов носил это имя. Я же по внутренним и прочим силам противился.

И вот однажды попалась мне книга американского писателя-фантаста Айзека Азимова. Потом мне пояснили, что Айзек – это тот же Изя, только по-американски. И тогда я ре-

шил взять себе это имя. С тех пор при новых встречах, старых знакомствах я представлялся Айзеком.

“Айзек” – еще раз повторил я.

“Айзек, что за имя то такое?” – Еще раз удивилась она – “Никогда раньше не слышала. Ну, неважно. Меня Людой зовут. Тут я живу” – она указала на крайнюю дверь – “Заходи в гости.”

“Обязательно” – с облегчением согласился я – “Неприменно зайду.”

Дорожка наверх освободилась, и я уже не через ступеньки, с достоинством поплелся домой на пятый этаж. Эта секундная встреча слегка выбила меня из колеи. Я несся наверх читать Робинзона Круза, а теперь запал иссяк. Я ловил себя на том, что эту книгу Робинзона я как бы читал, а мысли постоянно возвращались к этому мимолетному знакомству.

Через некоторое время я узнал, что в стенах капитального гаража скрывается новенькая «Волга» ГАЗ-21 с оленем на капоте. И к моему, не то что радости, но удовлетворению также узнал, что машина сия не принадлежит какому-то кавказцу, героически отстоявшему дни и недели, месяцы на Житомирском колхозном рынке с горой апельсинов, выкрикивая зазывалки: “Падхады, пакувай. Рубль штука. Три рубля кучка. В кучке три штуки.” В эту пору кавказцы даже близко не составляли конкуренцию украинским сельским товарам, овощам, фруктам. Тогда на рынке можно было купить ведро клубники за 10 рублей, а ведро вишни-че-

решни за 15. Кислые желтые шарики, апельсинчики тут явно не каналы.

«Волга» ГАЗ-21 принадлежала папе той самой девочки, с которой я нос к носу столкнулся в подъезде. Тут все было по-честному, никаких шахер-махер. Папа моей знакомой был летчиком, причем не просто летчиком, а военным летчиком истребителем.

Небольшая справка. Возле моего родного Житомира было два аэродрома. Один из них – военный аэродром, с военными самолетами, предназначенными защищать покой и мирный труд жителей Житомира а также население близлежащих городов и районных центров.

Второй – гражданский аэродром был построен совсем недавно. Впрочем слово "построен" не совсем уместно. Ну разве можно построить поляну. Поляна существовала давным-давно – тысячу или сто тысяч лет назад. По ней возможно еще мамонты ходили. А сделано было вот что. В конце поляны построили небольшое здание, как бы аэропорта с кассой и залом ожидания на два десятка пассажиров. Поляна была травяная, поэтому Житомирский аэропорт осенью, зимой не функционировал. Зато весной к маю, когда солнце высушивало землю и траву, вплоть до конца лета он действовал. Впрочем очень недалеко. Полеты осуществлялись в Киев и обратно. Мне же, нормальному 11 летнему пацану очень хотелось полетать на самолете и более того одним глазком глянуть на настоящий военный аэродром неподалеку.

И вот моя мечта сбылась. Я уговорил моих двоюродных братьев не ехать в Киев на автобусе, а прокатиться с ветерком под облаками. К сожалению мы были не в курсе относительно авиапарка нашего аэродрома. Там было всего 2 типа самолетов. Советский здоровенный "Кукурузник" АН-2 и маленькие юркие чешские авиатакси. По незнанию мы купили билету на "кукурузник" биплан АН-2. А что такое самолет биплан? Это у которого 2 крыла. Сверху и снизу. Садится и взлетает с пятачка. Держится в воздухе, сколько ни заблагорассудится. Чувствует малейшие порывы ветра. И это самое ужасное. Самолет бросало со стороны в сторону, вверх и вниз. А мое желание полететь на самолете, чтобы обозреть окрестности, в том числе военный аэродром, уперлось в обыкновенную советскую игрушку. Шпиономания. Все окна иллюминаторов были заклеены серой гадкой бумагой. Вполне очевидно, дабы шпион не пересчитал наши самолеты и не доложил эти шпионские сведения в ЦРУ. После одного часа полета я вышел, как уверяли мои братья, с лицом серо-зеленого цвета. Зато на обратном пути повезло больше. Мы летели назад в Житомир из киевского аэропорта Жуляны, едва ли не из центра города. Убедились, что лететь будем на чешском авиатакси. И полетели. Самолет, конечно, был великолепным. Салон, как в машине. Кабина почти полностью из стекла. Быстрый, юркий. И летчик ему подстать. Такой же быстрый и юркий. Что, в принципе, очень плохо. Нам выпал пилот, который представлял себя летчиком-истребите-

лем. Вел машину резко, дёргано, так что уже вблизи Житомирского аэропорта, перед посадкой, горизонт нашего самолета вдруг встал под 90 градусов. Но летчик сказал какое-то волшебное слово. И горизонт вернулся на место. Дальше он уже пилотировал тихо, спокойно, а я через стеклянную кабину увидел то, что хотел и о чем мечтал. Военный аэродром неподалеку. Несколько десятков самолетов, четко выстроившихся вдоль бетонных взлетно-посадочных полос. Очевидно, что за штурвалом одного из этих самолетов сидел отец моей знакомой девчонки.

Кстати, по поводу моей знакомой красавицы, девочки Людки. Она быстро прониюхала, что я за Айзек, и при редких случайных встречах в подъезде ехидно замечала. “Изик, Айзек, что же ты в гости не заходишь? А ведь обещал” Я как-то неуместно вздрагивал и начинал что-то мямлить. Непременно завтра же зайду.

В те самые годы среди 11-12 летних пацанов и девчонок шла какая-то застаревшая война. Истоками, вероятно, с той поры, когда школы в Советском Союзе были разделены на женские и мужские. Не дай Бог, кто-нибудь из твоих одноклассников мог увидеть тебя после школы с девчонкой, и еще не дай бог, несущий её портфель. Тогда всё – ты был покрыт позором и ближайшие заборы дурацкой надписью типа “Петя плюс Светка равняется любовь”.

Отрочество. В полете мотор отказал

А время себе тихонько шло. Быт, тот что в квартире тихонечко улучшался. Вот уж появились телефон, потом ковер, шкаф и, конечно же, радиола – “Рапсодия”. Не самое лучшее. Но еще как “ничего” с радиоприемником на все волны. Длинные, короткие, ультракороткие. Проигрыватель пластинок гибких со скоростью 33 и еще черных, твердых, архаичных – со скоростью 78.

Прошло годика 3-4. Я уже в девятом классе. Тихонечко начинаешь заглядываться на симпатичных девочек. Време-

нами рыщешь большую медицинскую энциклопедию, в поисках чего-то там запретного, чему не учат в школе, но много говорят на улице. Моя знакомая Людка с третьего этажа с папой лётчиком и Волгой в гараже уж больше с ехидцей не обращалась ко мне. Проходила мимо, не замечая, а я всё обращал внимание, как она всё хорошеет и хорошеет. Время от времени я начинал пенять на себя, за свою трусость и стеснительность. Она же меня приглашала в гости, за три с лишним года можно было бы к ней заглянуть, а так через три года и здрасте, пожалуйста, можно с вами еще раз познакомиться. Но счастье или удача, как всегда, приходит неожиданно. Как-то раз я поднимался на свой пятый этаж и увидел девчонку Людку, красавицу, явно поджидающую меня. Дверь в квартиру была открыта. Явно она увидела меня из окна или балкона и вышла на лестничную площадку, перехватить меня.

«Изя!» – уже без издевки и ерничества сказала она – «У меня к тебе огромная просьба. Ты же математику знаешь?»

“Ну, знаю”.

“А за десятый класс?”

“Знаю кое-что.”

А у меня уж совсем плохо. Ничего не понимаю. За четверть двойка светит. Дома скандалы. Голос ее задрожал. Слезы, конечно, не навернулись. Но и этого достаточно.

“Когда хочешь?”

“Ну прямо сейчас, ну хоть домашнее задание сделать.”

Вот это везение. Второй раз как бы познакомился с девушкой и еще домой в гости пригласила. Мы прошли в ее с братом комнату. Одиннадцатилетний пацан. Он был на пять лет младше Людки. Сидел тут же в комнате. Подозрительно посмотрел на меня, но увидев, что мы достаем и раскладываем учебники и тетради, тут же с презрением зевнул и смотрелся в центральную комнату, смотреть мультик. Как раз в детское время по телевизору. 15 или 20 минут мультяшек между телевизионными сельскохозяйственными репортажами про достижения животноводов. Домашнее задание я сделал за 10 минут. Потом еще полчаса ушло на пояснение, дабы учитель не подумал, что она у кого-то списала. Еще несколько страниц учебников назад и стало понятно, что в голове у Людки красавицы огромная черная дыра по математике. Короче, надо было серьезно подтягивать математику. В то время было такое старинное пионерское и вполне официально школьное выражение. Брать на буксир. Заходил я к ней частенько, раз-два в неделю, делал ей домашние задания, ну и помогал, пояснял, что мог. Ну, а тесное общение с девочкой, да еще с такой красавицей, явно чем-то кончается. Несколько раз она чмокнула меня перед уходом, как бы, из благодарности, а потом, как бы невзначай, случайно, последовал долгий поцелуй. Я был вне себя от счастья. Одна проблема. Брат. Даже во время 15-минутного детского времени, отведенного телевизором для мультяшек, он мог ни с того ни с сего ворваться в комнату и застукать. Или почти за-

стукать нас. Надо было что-то предпринимать. Ну а лучший способ решения всех проблем – это подкуп. Не лучший, но на тот момент единственный способ избавиться от нахального пацана.

Итак, пересказываю бюджет любовного свидания житомирского джентльмена. Мороженое. Вы не поверите, но до сих пор я вспоминаю эти простейшие сладкие удовольствия с умильной тоской. Отлично помню толстую тетку возле универмага с лотком мороженого. Лоток был синего цвета. Имел два отделения для двух сортов мороженого. В одном отделении было молочное мороженое – стоимость 11 копеек, в другом – сливочное мороженое – стоимость 13 копеек. Когда тетка снимала крышку, из лотка вырывался холодный белый туман паров сухого льда. Особенно это было приятно летом, в жару, когда пар обволакивал тебя, и ты замирал в преддверии чуда. Тетка-мороженщица забирала твою мелочь, доставала хрустящий вафельный стаканчик и профессиональным движением ложкой заполняла стаканчик сливочным или молочным мороженым. Изредка мороженое варьировалось: шоколадное молочное или сливочное шоколадное, на копейчку больше. Неподалеку от мороженщицы стояла другая тетка-пирожковница. Боюсь, слова такого нет. Тетка заведовала двумя здоровенными алюминиевыми кастрюлями, прикрытыми толстыми полотенцами. В кастрюлях находились только что испеченные пирожки с мясом и повидлом. 5 копеек штука, теплые, а иногда даже горячие,

если попадешь прямо к разгрузке товара. Какое счастье, особенно зимой, увидеть теплый пар, исходящий от кастрюль, и поменять свой медный пятак на пирожок с мясом или повидлом. А еще неподалеку располагалось то, что по-научному именуется атаквизмом 30-х или 50-х годов. Стойка газированной воды, со многими стеклянными цилиндриками, заполненными разными сиропами. Красные, желтые, оранжевые, а иногда с какими-то непонятными названиями. Тут же можно было постоять, подумать, выбрать, прежде чем в стакан тебе плеснули газировку с сиропом за 3 копейки или двойным сиропом за 5. А еще неподалеку, в двух кварталах, располагался детский кинотеатр имени Ивана Франко. 10 копеек за дневной сеанс. Детское счастье еще раз пересмотреть новехонький детский советский боевик – “Неуловимые мстители”. Конечно же, в кино каждый день не походишь, но изредка себя можно было побаловать. Просмотреть в десятый раз сказку, боевик про белых, красных и неуловимых Даньку и Яшку-Цыгана. Итого, просуммировав все детские развлечения, получалось примерно 25 копеек за любовное свидание. 20 копеек давал я. Пропускал школьный обед в столовой. 5 копеек добавляла Людка, тоже сэкономив на чем-то вкусненьком. Пацан, Людкин братик, шантажист, пересчитывал свой сегодняшний барыш, одевался и, высокомерно заявив – «Теперь можете лизаться сколько хотите», уходил из дома. Все это, если хотите, любовное свидание продолжалось ни шатко, ни валко. Начинало потихоньку

надоедать. Но однажды в дверь кто-то позвонил. На пороге стояла высокая, худая девчонка Нинка из Людкиного класса. Зашла, то ли что-то взять, то ли что-то отдать. Увидев меня, слегка удивилась, спросила: «А это кто?» потом заявила: «Ой, какой красивый!» В общем, я остаюсь. Так Нинка влилась в нашу компанию. С ней было более весело. Так всегда в компании из трех человек интереснее, чем на свидании из двух. Причем Нинка была как-то попроще и поумнее. Что-то вечно придумывала, иногда даже затевала какие-то подвижные, бесноватые игры. Частенько даже с сексуальным оттенком. И вот однажды две девчонки сговорились, затеяли провокацию. Мы сидели, чинно и благородно пили чай с сухариками или даже шоколадными конфетами. Тут Людка, как бы случайно, но как-то явно нарочно, разлила мне чай на брюки. Потом они фальшиво охали и предложили тут же высушить штаны утюгом. Утюг, точно так же случайно, стоял неподалеку. Сидеть в мокрых штанах, конечно, было противно, поэтому штаны я снял и прикрылся полотенцем. Потом они, долго хихикая, выглаживали, высушивали мои штаны и в конце концов нахально заявили, что мои штаны не отдадут. А ты, мол, возьми и отними. Дурацкая, идиотская, примитивная игра. Они перебрасывались моими штанами, я поначалу пытался их увещевать по-хорошему, даже слегка оскорбляя и называя их дурами. Потом попытался отнять свои брюки, и как раз в эту секунду послышался звук ключа, вставляемого в замок. На счастье, я оказался рядом с

туалетом. Я юркнул туда, туда же влетели мои злополучные, вымоченные, высушенные брюки. Ещё через секунду дверь в квартиру открылась. Кто-то подергал ручку туалета, потом слегка незлобиво ругнулся – “опять занято”. Это пришел, очень не вовремя, папа летчик. Я вышел из туалета через минутку. Нинка, затеявшая весь этот бардак, уже слиняла. Папа-лётчик с удивлением посмотрел на меня. «Ты кто?» – просил он. На помощь мне пришла Людка. Это Изя, с пятого этажа. Мы с ним вместе уроки делаем, математикой занимаемся.

“Да...” – уж более спокойно потянул он, а потом удивленно продолжил. А ты в каком классе?

“В девятом.”

“А она в десятом.”

“Ну и что?” – опять пришла на помощь Людка – “Изя знает математику и за десятый класс.”

“Да...” – вопросительно потянул папа лётчик. А потом, словно что-то сообразил, хлопнул себя по лбу как бы удовлетворенно сказал – “ну конечно же, ты же Изя”.

В этот момент рядом с отцом нарисовался сынок, шантажист, провокатор. Он только что вернулся домой с прогулки. Молочное мороженое его даже на губах не обсохло. Ему так и не терпелось наябедничать и напакостить.

“А они не только математикой занимаются. Они еще...”

Людка перебила своего братца – “Да, еще и физикой занимаемся” – злобно выговорила она.

“А они еще они не только физикой занимаются...”

“Да, мы еще и химией занимаемся.” – Зло, страшно, по слогам, угрожающе, выговорила Людка.

Пацан, поняв, что хорошей трепки ему не избежать, тихо растворился в своей комнате. Людка достала учебник математики. Мы посидели еще минут пять, симулятивно листая страницы, после чего я ушел. Инцидент знакомства без каких-либо недоразумений был исчерпан. Я продолжал ходить к Людке домой. Нужно было серьезно подтянуть математику перед финальной контрольной работой за четверть. И вот случилось чудо. Как-то раз я сидел у себя дома, услышал быстрые, нервные трели звонка. Я открыл дверь. На пороге стояла такая радостная счастливая Людка. Она махала какими-то листочками и все причитала – “Смотри, смотри, пятерка.”

Да, наши усердия не прошли зря. Людка действительно сама получила пятерку по контрольной, по математике. Ну пусть с натяжкой, но все-таки пятерку. Потом мы спустились к ней домой. Я с каким-то даже умилением наблюдал за маленьким счастьем, как Людка убирает все лишнее со стола, как выкладывает на стол плоды своей первой победы, как передвигает по столу листочки контрольной работы, чтобы издалека от входной двери сразу можно было увидеть ее пятерку.

С тех пор я стал желанным гостем в Людкином доме. Пацан – ябеда своих денег более от нас не получал. Более того,

он еще получил от своих родителей. Сначала от мамы за то что ябедник, а потом его высек папа за какие-то проделки в школе. Гнилой все же был этот парень.

Отношения, дружба с Людкой еще кое-как тянулись. Изредка заходил к ней помочь, поделаться за нее домашнее задание. Потом куда-нибудь на волю, из дома погулять по уже надоевшим улицам или в парке. Интересы у нас были разные. Мне больше нравилось тишина и спокойствие. Людка же обожала шумные мероприятия, неважно какие, лишь бы музыка, шум, крики, потасовки, выяснение отношений. Ну а особо ее любимым мероприятием был каток на стадионе.

А вы смотрели кинофильм 90-х годов «Маленькая Вера»? Первый советский блокбастер, где все было показано как на ладони, включая любовь, секс и еще много чего. Есть там такой занимательный эпизод «Танцплощадка». Как бы приходит на танцплощадку в парке молодежь. Мальчики, девочки, как бы потанцевать, повеселиться, культурно провести вечер. Но в головах то у них совсем другое. Вначале все как бы танцуют, веселятся, а потом пары распадаются. Девчонки в сторону. Ребята еще как бы продолжают танцевать. Выстраиваются в две линейки. Друг напротив друга. Пока еще помалкивают, потирают кулаки, посматривают друг на друга. Вот-вот должно что-то начаться. И вот, наконец-то, между стенками врывается какой-то хулиган-provокатор, кричит нечто невразумительное и наносит первый удар. Понеслась. Полиция тут же с бусиками для задержания. Но в драку не встре-

вают, никого не разнимают. Просто хватают упавших, нокаутированных и тех, кто просто попался под руку и тащат в милицейские автобусы. Там, при таких драчливых обстоятельствах, познакомились наши герои кинофильма «Маленькая Вера». Представили?

Так вот, то, что я вам сейчас скажу. Художественный эпизод на площадке не идёт ни в какое сравнение с тем, что творилось на Житомирском катке. Представьте себе футбольное поле стадиона. Четверть его расчищена, выглажена и залита льдом. Посередине стоит большая ёлка. Место перед ёлкой приятно. Ярко освещено,людно, играет музыка. За ёлкой же наоборот. Тусклое освещение. Редкие конькобежцы наматывают круги. Ну а еще подальше – две группки пацанов. Это две враждующие банды – Кугуты и Кацапы. Впрочем это не по происхождению, а по обидным прозвищам которыми они оскорбляют друг друга. Они пока разминаются. Драка между бандами будет потом, а пока они просто куражатся, нагло проезжая, задевая, сбивая с ног ничего не подозревающего конькобежца, случайно забредшего на их территорию за ёлочкой. А где ж милиция вы спросите. Где, где! Я бы вам сказал где, но постесняюсь. И вообще вы когда-нибудь видели милиционера на коньках?

А еще на каток приходили курсанты, заслужившие увольнительную. Приходили туда по 10-15 человек. В форме, едва ли не строем. Это был последний курс житомирского военного училища. Скоро распределение по точкам военных

гарнизонов. Им надо было срочно найти жену, потому как если останешься без жены, пищи пропало. Жен искать за полярным кругом негде. Ребята были деловые, серьезные. Хулиганы с катка их не трогали. Боялись. Парни военные дрались до конца, никогда не убегали, их этому учили. Своих не бросаем, сам погибай, а товарища выручай. В каком-то смысле с ними на катке было даже спокойнее. Никаких эксцессов, приставаний, побоев не будет. А серьезные парни, пытались серьезно закадрить девочку. Потом все быстро и складно. Разок-другой в кино, на свидание, приглашение на выпускной вечер, признание в любви и предложение руки и сердца. Потом быстренько в ЗАГС. Там для них без месячных ожиданий зеленый коридор. И вот молодая семья молодого офицера готова. Как говорится раз и на Кавказ. Впрочем, на Кавказ это, если сильно повезет. Скорее это за полярный круг или на китайскую границу.

А на освещенной стороне елочки шум, крики, музыка. Мальчики, девочки знакомятся, что-то обсуждают, что-то выясняют. Ну и моя Людка в первых рядах. Знакомилась, договаривалась, раздоговаривалась, вертела новыми случайными знакомыми, как хотела. Меня там словно не замечала, а заметив, представляла меня как своего брата или чемпиона города по математике, желая хоть чем-то да прихвастнуть. Она там вполне серьезно воображала себя королевой катка. Впрочем, подобных ей стерв, королев, там было пруд пруди.

Время тихонечко шло. Ничего особенного не происходило, а потом в городе произошел случай, ЧП, чрезвычайное происшествие, которое обсуждал весь город. Упал самолет с того самого нашего военного аэродрома. Летчик погиб. Информации, естественно, ноль. Кругом одни лишь слухи. Всякие, от самых, что ни на есть, бытовых – бывает, мол, выпил летчик лишнего и грохнулся. И другие слухи, буквально фантастические. Это, мол, была специальная операция ЦРУ сломать самолет и оставить без защиты покой нашей Родины. Слухов и разговоров было слишком много, так что даже официальным лицам пришлось на это реагировать. Правда самым что ни на есть глупейшим способом. Газета «Вечерний Житомир» поместила передовую статью с известным названием «Однажды в полёте мотор отказал». Журналисты своими словами, безо всяких рифм, коротко переписали содержание знаменитой песни Эдиты Пьехи «Огромное небо», начинающееся словами “в одной эскадрилье служили друзья”. Далее понятно. Мотор отказал, друзья посоветовались и решили, что прыгать нельзя. Так они геройски погибли, спасая город. Такие детали, что по-настоящему разбился-то истребитель с одним пилотом, а друзья на самом деле точно не могли посоветоваться, писак журналистов не интересовали. Потихоньку история сошла на нет, хотя кое-какие слухи, серьезные и не очень, продолжали возникать.

Недельку или другую спустя, как-то вечером возвращался я домой, как водится свернул к себе во двор и удивился,

завидев у нас во дворе необычайно большое количество новеньких легковушек – штук пять. Не улыбайтесь, автопарк нашего пятиэтажного дома состоял всего из двух машин – Волги с оленем на капоте, собственность Людкиной семьи, и еще какого-то разбитого Запорожца. Так что пять легковушек было как-то слишком многовато. Внимания я, собственно, на это не обратил. Просто зашел к себе в подъезд и позвонил в Людкину квартиру. Я обещал ей опять зайти, помочь с математикой. Позвонил в дверь. Дверь открыла Людка и повела меня в свою комнату. За столом центральной комнаты сидели человек десять мужчин, кое-кто был даже в военной форме. Теперь я сообразил, что это друзья отца на своих автомашинах приехали, собрались у Людкиного отца помянуть друга. Выпито, съедено было уже много, проговорено тоже, так что мое появление не осталось незамеченным. Последовали вопросы на тему «А это кто?». Потом узнали, что это хороший мальчик Изя, помогает заниматься дочке уроками и математикой. Последовали пьяные, сальные шуточки по поводу того, что они дозанимаются и как бы в подоле потом не принесла. А насчет того, что мальчик хороший, кто-то видел, что у хорошего мальчика яйца такие же, знаете, как и у плохих. Потом папа замахнулся на шутников и они притихли. Потом они узнали, что Изя в девятом классе, но знает программу за десятый. Восхитились, и, слабо соображая, выясняли, как это. Потом какой-то гость разрешил загадку и пояснил – “так это же Изя, а они все такие умные.”

Гости согласились, но пришли к выводу, что они все такие умные, и потому в Самарканде воевали. В ту пору советские партийные структуры через КГБ вдалбливали народу анти-семитскую байку, что евреи, мол, не воевали. Потом гости поговорили еще о чем-то, помянув своих отпрысков-олухов, которые того гляди на второй год останутся. Потом наше появление забылось. Впрочем, Людка отвела меня к себе в комнату, открыла дверь, чтобы нас было видеть, и демонстративно разложила учебники на столе. Я понял, в чем заключается хитрый ход. Ей просто очень хотелось услышать из первых уст, что именно там произошло. Верны ли какие-то будоражающие слухи, и какой там на самом деле мотор отказал. Мне тоже было страшно интересно узнать, что там было на самом деле, да и за одним и послушать "летчиские" рассказы. Так что пальцами мы водили по учебнику, но наострив ушки слушали-слушали. Кое-какие слухи подтвердились. Но все было сложнее и запутаннее. Был там и любовный треугольник, который в результате превратился в бермудский многогранник. Будь у нас Шекспир – он, возможно, и написал бы военно-воздушную драму. Но Шекспира не было, а была жена – сука, которая трубила и звонила во все колокола. Требовала расправы. А потом, все одно за другим навалилось – и не подчинение старшим по званию, и недостойное поведение, и срыв боевого задания, и тому подобное. Грозила летчику отставка и увольнение из военно-воздушных сил. В результате парень решил, что не жить ему без неба. В своем

последнем полете взлетел высоко и спикировал.

Головы, конечно, должны были лететь. Хотя кому это было выгодно? Проще всего, как в песне поется – “мотор отказал”.

А потом Людкина мать потихоньку начала вытаскивать летчиков из-за стола и отправлять домой. Кто-то вспомнил, что у него завтра полеты. Ужаснулся. В кислородную маску бы не наблевать. Кто-то уж идти не мог, но уверял, что доедет без проблем – “Потому что мы пилоты.” Квартира опустела. Со двора еще некоторое время доносился шум, крики, бибиканье машин. А потом и это утихло. За столом остался Людкин отец. Мать тихонько суежилась, убирая из комнаты грязную посуду и недоеденную еду. Отец вертел в руках, недопитую рюмку водки, так и не решаясь, то ли вылить, то ли выпить.

Неожиданно он позвал – “Дочь, поди сюда.”

Людка неохотно поднялась и прошла к отцу. Он взял ее за плечи, погладил по голове. “Дочь, ты же у меня красавица. Ну что ты творишь?”

Очевидно, что я не знал, чего-то, но произошло ужасно неприятное. На выручку дочери пришла мать.

“Ну будет, будет” – запричитала она – “Людочка уже все поняла. И учиться будет. И еще вот с Изей позанимается. В институт поступит. Инженером будет.”

“****ью она будет!” – заревел отец. Потом вдруг схватил Людку за плечи, развернул ее ко мне лицом и снова заорал – “Изька, женись на ней!”

А потом, словно демонстрируя ее достоинства, тискал и вертел, обращаясь ко мне.

“Посмотри, какая морда, какая жопа, какие груди!”

Людка изо всех сил пыталась вырваться, отталкивала отца руками. На помощь ей пришла мать, тоже изо всех сил пытаясь разнять, освободить хватку отца.

“Отпусти ее, дурак, алкаш. Сейчас сковородкой по голове получишь!”

Действительно, в руках Людкиной матери появилась сковородка, которой она угрожающей замахивалась. Но отец все никак не мог уgomониться.

“Гляди, какая жопа, какие груди, какая морда! Она же первая красавица. Женись на ней и валите отсюда к чертовой матери в свой израИль. Она же там мисс израИля станет!”

Сковородка в руках Людкиной мамы опустилась на голову пьяного мужа. Он даже не охнул, просто свалился на пол и засопел полной грудью. Я тоже вскочил и уже, естественно, не прощаясь, бросился к выходу.

После этого случая между нами словно черная кошка пробежала. С Людкой мы больше не встречались, не виделись. Точнее, виделись. Все-таки в одном подъезде жили, но про-

ходили мимо, не здороваясь. Я обращал на нее внимание ровно столько же, сколько на ларь с картошкой, стоящий подъезде. Впрочем, она платила мне тем же. Но все же, как-то раз она решилась со мной объясниться. Остановила меня на лестничной площадке и сообщила, что она меня никогда в жизни не любила. Началось все из-за того, что она хотела, чтобы я ей слегка помог с уроками.

Потом как-то неожиданно и завертелось. Я ей как-то понравился. Потом как-то разонравился. Потом, после контрольной работы, я ей снова понравился. Потом снова разонравился. Короче, тут даже не женская логика. Какие-то глупости на уровне детского садика. Во всяком случае, меня все это успокоило. Ничего не надо было решать, придумывать, извиняться.

Все это хорошо решилось. Наши с ней отношения были уже нигде и направлялись в никуда. Ну а в конце ее диалога, как бы заключительный аккорд, возможно, в качестве мести, она сообщила, что встретила одного очень интересного парня.

Видел я этого интересного парня – эдакий верзила с мерзкой физиономией и шрамом от уха до подбородка. Он иногда околачивался возле нашего подъезда, поджидая Людку. А потом, мало кого стесняясь, в обнимку, они уже уходили.

И вот однажды произошел такой мерзкий случай. Я в превосходном настроении вбегал к себе на пятый этаж. Мельком заметил этого верзилу, околачивающегося возле квар-

тиры Людки. Хотел оббежать его, но он вдруг рванулся ко мне, схватил за грудки и попытался оторвать меня от пола. Силы бы у него на это хватило, а вот ловкости нет. Я, как-то не задумываясь, автоматически оттолкнулся ногами от перил лестницы. Руки у него вывернулись, и он выпустил меня. В общем, я грохнулся на ступеньке лестницы, но не сильно и не очень больно. В следующую секунду я уже был на ногах и сбегал вниз, прыгая через две-три ступеньки. Верзила же устремилась за мной, громко ругаясь, матерясь, топоча ногами по каждой ступени. Но я уже вылетел из подъезда. Остановился в метрах десяти. Через несколько секунд показался и мой обидчик, и все так же, громко матерясь, устремился в мою сторону, пытаясь догнать и схватить меня.

Догнать? Меня? Пацана, который по несколько часов в день может гонять в футбол? Чемпиона двора по игре в квач? [Квач – украинское название распространенной детской игры догонялки, салочки.]

Верзила бросился ко мне, но я легко увернулся. Он развернулся, бросился опять. Опять промахнулся. Я на всякий случай выбежал со двора на улицу. Верзила последовал за мной, еще раз попытался припуститься в погоню, но через секунду понял, что это бесполезно, развернулся и, громко матерясь, пошел обратно. Я тихонько, с опаской, как бы не было засады, тоже направился к себе во двор, на ходу пытаюсь сообразить, что же произошло.

Наконец-то я понял, что этот дебил пользуется какой-то

старой непроверенной информацией. Кто-то ему сказал, настучал, что я вроде как кручу “шашни” с Людкой, и он таким вот простым быдладским способом решил запугать и избавиться от конкурента. Откуда он это взял, не знаю. Нинка, подруга Людки, потом клялась, что она с ним в жизни никогда ни о чем не говорила, и просто приблизиться к нему было уже страшно. Людкин братан-ябедник, вполне мог нас сдать за 20 копеек на мороженое, хотя тут у нас во дворе стукачей хватало. Короче, не знаю, знать не хочу, но дико неприятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.